

К 800-летию Александра Невского

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВРА ПО ЗАПИСКАМ ИНОСТРАНЦЕВ

Часть 1

Предисловие. Князь Александр наименован Невским после разгрома иноземных войск, вторгшихся в Новгородские земли. Сын великого князя Ярослава Всеволодовича, Александр свои юные годы провел в Новгороде, куда в 1228 году его посадил княжить отец. Когда в 1237 году папа Григорий I организовал крестовый поход для покорения русских земель, князь Александр со своей дружиной выступил на защиту православного Отечества и 15 июля 1240 года в сражении на Неве, при устье реки Ижоры, разбил ополчение крестоносцев во главе со шведским воеводой Биргером.

5 апреля 1242 года Александр возглавил русские войска в битве с меченосцами на Чудском озере, получившей название Ледового побоища. Иноземное войско было разгромлено; на долгие годы были укреплены западные рубежи русских земель.

Иную стратегию пришлось избрать великому князю на востоке. Став в 1252 году великим князем Владимирским, он вынужден был иметь дело с гораздо более сильным врагом — татаро-монголами. Четыре раза он ездил в Орду и благодаря гибкой политике сохранил от разорения восточные русские пределы. 14 ноября 1263 года, возвращаясь с очередных переговоров, он занемог и скончался в Городце Волжском. В его лице Русская земля лишилась великого подвижника за веру и Отечество, который, по словам летописца, «много потрудился за землю Русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение, отдавая жизнь свою и за Православную веру». Князь был погребен во Владимире, «и положено бысть честное Святого тело в монастыре Рождества Пречистыя Богородицы». Русская церковь, выразительница народной воли, причислила его к лику святых, а в 1380 году были обретены его мощи. Память о святом князе прошла через века, и когда Петр I основал на берегах Невы новую столицу, он распорядился заложить монастырь во имя Александра Невского.

Эпоха Петра I. Основание Александро-Невского монастыря относится к 1710 году, однако еще в 1704 году Петр I повелел возглавить строительство новой обители архимандриту Феодосию (Яновскому), бывшему наместнику Хутынского монастыря в Новгороде. Но война со шведами не дала возможности сразу же приступить к возведению мона-

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

стырских зданий. Вот что сообщал в 1711 году об основании Александро-Невского монастыря архимандрит Феодосий: «В прошлом 1710 году осмотрено место, при Санкт-Петербурхе, над Невою рекою, на устье речки Черной (а по свидетельству старых купцов, которые со шведами торговали, — „Виктори“ называемой) на строение Троицкого Александра-Невского монастыря, самим Его Императорским Величеством при присутствии совета министров. При том осмотре определено на оном месте быть монастырю, на левой стороне речки партикулярному, деревянному, а на правой каменному генеральному строению»¹.

Упомянутое архимандритом Феодосием прежнее название речки Черной — «Виктори» — не совсем верно. На месте, где ныне расположена Александро-Невская лавра, была деревня Вихтула, стоявшая на берегу Черной речки (финской Суттила, ныне — река Монастырка). В петровскую эпоху эту деревню стали называть «Виктори» («Победа»), полагая, что именно здесь 15 июля 1240 года произошло сражение войска св. князя Александра Невского со шведами². На самом же деле это сражение произошло гораздо выше по течению Невы — близ устья реки Ижоры.

В книге под названием «Путешествие по знаменитым столицам Европы» (автор Карл Мало), опубликованной во Франции в 1831 году, также упоминается об основании Александро-Невского монастыря при впадении речки Черной в Неву: «На самом конце города, на берегу Невы, Петр Великий в 1710 году избрал место, называвшееся тогда Виктора, почему и думали вообще, что на том месте святой и великий князь Александр в половине XIII века одержал знаменитую победу над соединенными шведскими, датскими и другими войсками, долженствовал построен быть сей великолепный монастырь»³. В «Истории Петра» Пушкин пишет о том, что в 1710 году царь «при устье речки Черной заложил монастырь во имя Троицы и в честь Александра Невского. Феодосий (Яновский. — *Авт.*) назначен был архимандритом в оный и в присутствии Петра водрузил крест»⁴.

На месте, избранном для строительства монастыря, архимандрит Феодосий воздвиг два креста. Крест, сооруженный на правом берегу речки Черной, имел такую надпись: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Повелением пресветлого Величества на сем месте имеет создаться монастырь». Крест, стоявший на левом берегу, был украшен двустушием:

Что сей крест образует,
Обон полный то сказует⁵.

Однако «за многими воинскими делами» в 1710 году строительство монастырских зданий начато не было, и, как сообщает архимандрит Феодосий, «только поставлена над крестом деревянная часовня по левую сторону речки и ограждена на несколько сажень палисадом»⁶.

О начальном периоде истории обители в самой сжатой форме пишет Генрих фон Реймерс: «Примерно в четырех верстах на ост-зюйд-ост от Адмиралтейства на берегу Невы, в устье Черной речки⁷, на месте, названном Виктория, монарх определил

¹ Цит. по: Корольков М. Архитекты Трезины // Старые годы. 1911. № 4. С. 20.

² Там же. С. 29, прим. 11.

³ Мало Карл. Путешествие по знаменитым столицам Европы. ч. 2. М., 1832. С. 25.

⁴ Пушкин А. С. Полн. Собр. соч. Т. X. С. 150.

⁵ Корольков М. Архитекты Трезины. С. 20. — Обонпольный (церк.-слав.) — находящийся на другой стороне реки.

⁶ Там же. С. 21.

⁷ Ныне речка Монастырка.

в 1710 г. основание монастыря св. Александра Невского, по каковому поводу в присутствии его и всего генералитета на сем месте архимандритом был установлен крест с надписью. В 1713 г. монастырь и церковь были построены деревянными, а в 1716 г. — в камне. Митрополит Новгородский освятил его. Монастырь получил своего архимандрита только в 1720 г.»⁸.

В эти годы в будущей столице Российской империи разворачивалась деятельность архитектора Доменико Трезини (около 1670—1734), уроженца швейцарского кантона Тессин. Трезини приехал в Россию с первой партией «мастеровых людей», объявившейся в только что основанном Санкт-Петербурге. Отрекомендованный царю как «искусный в архитектуре, инженерстве и фортификации», он произвел благоприятное впечатление на Петра I и сразу же, после первой аудиенции, был назначен начальником «конторы от строений». Одним из первых крупных проектов, выполненных Трезини для Санкт-Петербурга, был план Александро-Невского монастыря. Все здания, нанесенные на чертеже, были расположены таким образом, что если бы смотреть на них сверху, то они представляли собой фигуру орла с распростертыми крыльями⁹.

Об «орлином проекте» обители в своих записках упоминает и Филипп Иоганн (Юхан) Табберт фон Страленберг (1676—1747) — офицер шведской армии короля Карла XII. (Будучи в русском плену составил «Записки об истории и географии Российской империи Петра Великого».) «Достославной же памяти император Петр I построил на реке Неве от Санкт Питербурга в пяти верстах преизрядный монастырь во имя Александра Невского, которое здание изобразует фигуру орла и более 200 покоев имеет, — пишет фон Страленберг. — В середине онаго имеется превеликая и наилучшею архитектурою украшенная церковь, изобразующая корпус орлии, два же ея спица представляют две шии и главы-маковицы же императорския короны. А по обоим сторонам во образ двух крыл суть две небольшие церкви ж»¹⁰.

Доменико Трезини был распорядителем всех строительных работ до 1712 года; ему принадлежало авторство многих построек в новой столице. В 1715 году он составил проект строительства Александро-Невского монастыря, который одобрил Петр I, начертав: «Во имя Господне делать по сему»¹¹.

В том, что проект постройки православного монастыря был выполнен инославным архитектором, не было ничего необычного. В петровскую эпоху веротерпимость была настолько велика, что иностранные художники даже участвовали в изготовлении церковной утвари, необходимой для совершения православного богослужения. Так, еще в начале XX века в Древлехранилище Александро-Невской лавры имелись

⁸ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток. 2007. С. 94.

⁹ Корольков М. Архитекты Трезини. С. 20.

¹⁰ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северо-восточная часть Европы и Азии. М.; Л.: АН СССР. 1985. С. 170. Во время пребывания Страленберга в России Александро-Невский монастырь, заложенный Петром I в 1710 году в честь победы Александра Невского над шведами (1240), имел иной вид, нежели теперь. Архитектор Д. Трезини предусматривал «создание комплекса монастырских строений, расположенных по замкнутому прямоугольному контуру с центральным собором, обращенным фасадом к Неве, и четырьмя церквами на углах, завершенными башнями и куполами» (Медерский Л., Пилявский В. Невский проспект. Л.; М., 1959. С. 10). Д. Трезини в 1717—1722 годах построил Благовещенскую церковь с примыкающим к ней «Духовым» корпусом. Строительство главного собора, начатое в 1720 году архитектором П. Швертфегером, не было завершено, здание в 1755 году разобрали и на его месте в 1778—1790 годах построили ныне существующий Троицкий собор (архитектор И. Е. Старов).

¹¹ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. С.-Петербургская епархия. СПб., 1908. С. 6.

антиминсы¹², рисунки которых были отпечатаны со штампов, гравированных иностранными мастерами; они носили название «фряжских» (иностранных) антиминсов. 16 июля 1704 года по указу Петра I боярин И. А. Мусин-Пушкин распорядился печатать фряжские антиминсы на «казенных атласах» на книжном Печатном дворе. Вероятнее всего, это были рисунки голландской работы, — в петровскую эпоху «фряжскими» назывались вообще иностранцы, но чаще всего — голландцы. (В те же годы рисунки для антиминсов гравировал и русский мастер — Иван Зубов¹³.)

В 1712 году в устье Черной речки, напротив монастырского участка, был устроен наплавной мост. Монастырский стряпчий Матвей Екимов писал архимандриту Феодосию (находившемуся в отъезде): «По приказу Андрея Якимовича Трезина, для осмотра места, на котором предположен мост, был в монастыре ученик Андрея Якимовича, а сам хотя и обещал приехать, но не был, а как только приедет и даст чертежи, начнут бить сваи»¹⁴.

В том же 1712 году по указу Петра I на монастырском участке было велено построить госпиталь¹⁵, а 14 июня 1712 года началось возведение деревянной церкви. «И с того строения деревянная церковь во имя Благовещения, совершена и освящена в 1713 году марта 25, при присутствии Императорского Величества с его высоким синклитом», — сообщается в записи архимандрита Феодосия (Яновского)¹⁶. Пушкин также сообщает, что в 1713 году «Петр осмотрел строения, и 25 марта присутствовал при освящении церкви в Невском монастыре во имя Благовещения Пресвятой Девы»¹⁷. Для дальнейшего строительства нужны были немалые средства, и в ноябре 1714 года, согласно царскому указу, «к Невскому монастырю приписаны из других монастырей (наипаче из Троицкой Лавры) 1654 двора»¹⁸.

В 1713 году на правом берегу Черной речки, чуть выше будущей обители, были заложены монастырские кирпичные заводы; тогда же началось строительство жилых помещений для монашеской братии. Примечательно, что в строительстве Александро-Невского монастыря принимали участие и шведы-лютеране. Так, в 1714 году архимандрит Феодосий добился того, чтобы пленного шведа Олофа Люсти определили к «надзору у палатного каменного строения Невского монастыря». Будучи на службе в монастыре, Олоф руководил работой русских мастеровых, к которым относился очень требовательно¹⁹. В 1713 году руками пленных шведов была проведена дорога от Адмиралтейства (точнее, от реки Мьи) до старого Новгородского тракта. (Впоследствии эта дорога стала Невским проспектом.) А вскоре от этого места через болотные топи была проложена дорога до монастырской обители²⁰.

Вот что пишет по этому поводу Генрих фон Реймерс: «Ко времени постройки Александро-Невского монастыря, в 1713 г., восходит и начало существования Большой, или Невской, перспективы на Адмиралтейской стороне, ныне прекраснейшей из всех улиц столицы, которая идет почти по прямой от Адмиралтейства до упомянутого мо-

¹² Антиминс — плат, на котором можно совершать литургию. На антиминсе изображается положение Христа во гроб, и в антиминс влагается частица мощей.

¹³ Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. 1712–1910 гг. Краткая опись. СПб., 1910. С. 51.

¹⁴ Описание архива Александро-Невской Лавры за время царствования императора Петра Великого. Т. 1. 1713–1716 годы. СПб., 1903. С. 64–65.

¹⁵ Там же. С. 748.

¹⁶ Цит. по: Корольков М. Архитекты Трезины. С. 21.

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 95.

¹⁸ Там же. Т. X. С. 210.

¹⁹ Семенова Л. Н. Участие шведских мастеровых в строительстве Петербурга (Первая четверть XVIII в.) // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 277.

²⁰ Семенцов С. В. Пространственная идея Санкт-Петербурга // Старые годы. 1993. № 1. С. 6.

настыря. На протяжении четырех верст пути рос прежде сплошной лес, который был прорублен для аллеи, или Перспективы, отчего улица получила свое название и сохранила его впоследствии. Эта длинная и широкая улица постепенно застраивалась по обеим сторонам, и по ней была посажена березовая аллея, где в три, а где в четыре ряда. Ведущая от Адмиралтейства до монастыря, она всегда содержалась в чистоте с помощью шведских пленных, которые ее каждую субботу чистили и подметали»²¹.

В своих записках Пушкин приводит один из петровских указов, относящийся к 1714 году: «О строении каменном на городском и адмиралтейском острове (в П. Б.), а в прочих местах деревянном по плану архитектора Трезина»²². Важной вехой в истории Александро-Невского монастыря был 1715 год. В этом году «от архитекта Андрея Трезина» Петру I был представлен проект строительства обители: «абрис, как быть всему каменному строению». Государь одобрил этот проект, собственноручно начертал: «Во имя Господне делать по сему»²³. В силу царского указа были начаты подготовительные работы к строительству; на левом берегу Черной речки предполагалось возвести «партикулярное» деревянное здание, а на правом — каменное «генеральное»²⁴. Однако вскоре у Доменико Трезини возникли трудности, связанные со строительством монастыря. Дело в том, что в том же 1715 году кирпичные заводы были отобраны у монастыря в пользу Адмиралтейства. (Заводами Адмиралтейство распорядиться не сумело, и уже в 1716 году они были отданы в подряд²⁵.)

Для возведения монастыря требовался не только кирпич, но и строительный камень. Трезини, как главный архитектор, должен был заниматься решением этой задачи. Между Трезини и архимандритом Феодосием началась переписка по поводу заготовки строительного камня. Так, 15 декабря 1715 года швейцарский архитектор отправил наместнику монастыря письмо следующего содержания: «Пречестнейший во Христе отче, благодетелю мой премилостивейший! Ведомости, которые присланы от Вашей святыни о белом камне, — камни аршинные и больше мерою удобны суть, а ниже трех четвертные камни не потребны к строению. Обаче, аще Ваша святыня требует подрядить ломать, надобна подлинная ведомость, сколько каких, какой меры надобно на цымазу, базы, капители, ворота и протчая. И ежели изволите требовать подлинной ведомости, каких сколько камней надобно к строению, к Вашей святыне пришлю, а о цене ломки тех камней и возки надобно справиться с Канцелярию государственных дел, а мне о том не известно. Остаюсь Вашей святыни всепокорнейший слуга Dominiko Trezzin. 1715 года 15 декабря»²⁶.

Письмо написано деловым языком того времени, и вполне понятно, что Трезини не владел им в совершенстве. Поэтому русский текст обращения составил подьячий, а Трезини лишь поставил в конце свою подпись.

Архитектурные проекты Трезини исполнялись «в камне» под наблюдением мастеров своего дела; среди них были и иностранцы. Об одном из них упоминается в тексте распоряжения архимандрита Феодосия от 23 января 1710 года. «У архитектора Дрезина взять рисунок, монастырскую подворью как строить, мазанки от префектова двора по погреб, — пишет наместник Александро-Невского монастыря, — а у тех мазанок у дела быть иноземцу Падору»²⁷.

²¹ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 96.

²² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. X. С. 211.

²³ Описание архива... Т. I. С. 748.

²⁴ Там же.

²⁵ Корольков М. Архитекты Трезини. С. 6.

²⁶ Описание архива... Т. I. С. 526.

²⁷ Там же. С. 805.

Строительство Александро-Невского монастыря продолжалось, и Трезини по-прежнему руководил ходом работ. Вот фрагмент из его переписки с наместником этой обители. 21 ноября 1718 года он сообщал архимандриту Феодосию: «Посылаю до Вашей святыни щот (счет) строения монастыря св. Александра Невского, сколько надобно к оному лесных припасов. При чем пребывая Вашей святыни до услуг всегда готовейшим всепокорный слуга D. Trezzini»²⁸. На этом донесении архимандрит Феодосий начертал резолюцию: «Изготовить доношение до всемилостивейшего, дабы дан был с прочотом указ, чтоб помянутое от архитектона число хотя выше порогов около Невы велено было погодно уготовлять, пока строение продолжится»²⁹.

К этому времени в возведении строений Александро-Невского монастыря принимало участие все большее число иностранных специалистов. Их имена упоминаются в указах, распоряжениях, сметах, хранившихся в Монастырском архиве. Так, 3 мая 1716 года архимандрит Феодосий «указал иноземцу Ягану Никифорову... выдавать из монастырской казны, против монастырских каменщиков, по полтине в месяц»³⁰. 23 июня 1718 года между архимандритом Феодосием и иноземным «пильным мастером» Вилимом Антоновым был заключен договор: «построить при монастыре пильную ветрянную мельницу о трех рамах»³¹.

Чаще всего установить происхождение и дальнейшую судьбу того или иного иноземца, работавшего на строительстве Александро-Невского монастыря, не представляется возможным. Однако о некоторых из них сохранились краткие сведения. К их числу относится мастер Конрад (Кристоф) из Саксонии; о нем упоминается в связи с выдачей ему жалованья в размере 86 рублей: «Архитектору саксонцу Христофору Кондратьеву, в вознаграждение трудов его по наблюдению за монастырскими постройками с 13 июля по 1 октября 1718 г.»³².

Еще одно упоминание о мастере Конраде датируется 1719 годом. В одной из монастырских бумаг отмечено, что 12 сентября «монастырского каменного строения архитектор Христофор Кондратьев явил три модели, против которых сделать к церкви Божией и к палатному строению на взымзы кирпича на каждый модель по 10 тысяч кирпича в нынешних числах»³³. Конрад (Кондрат) Кристоф (около 1680 — после 1746) — каменных дел мастер, а позднее — архитектор, из Саксонии приехал в Россию в 1700 году и был принят на службу в Московскую Оружейную палату. В Петербург он приехал 21 июля 1715 года и на строительстве Александро-Невского монастыря работал с 1718-го по 1720 год³⁴.

В записках известного немецкого ученого Якоба Штелина, с 1753 года жившего в России, говорится о том, что К. Конрад «заложил Невский монастырь... жил сначала в Москве, был первым архитектором в России»³⁵. Однако нельзя воспринимать это сообщение о «первенстве» в буквальном смысле слова; вероятно, Штелин хотел сказать, что Конрад был первым архитектором, приехавшим в Россию при Петре I³⁶.

Весной 1719 года ожидалось «высочайшее» посещение Александро-Невского монастыря, и уже в январе начались приготовления к этому визиту — «того ради, дабы все то уготовить к пришествию Его Царского Величества в Невский (монастырь) на

²⁸ Там же. Т. II. С. 716.

²⁹ Там же. С. 716—717. Подробнее см.: Там же. С. 717—719.

³⁰ Там же. С. 494.

³¹ Там же. С. 550.

³² Там же. С. 684.

³³ Там же. С. 1067.

³⁴ Штелин Якоб. Записки об изящных искусствах. Т. I. М., 1990. С. 224, прим. 1.

³⁵ Там же. С. 201.

³⁶ Там же. С. 225, прим. 4.

Святую Пасху»³⁷. По указу Петра I архимандрит Феодосий распорядился доставить в монастырь колокол и пушки, которые следовало вывезти из Иверской обители. И снова началась переписка между наместником Александро-Невского монастыря и Доменико Трезини.

Об этом упоминается в одном из архивных документов того времени. «Генваря в 25 день (1719 г.) писано в письме до господина обер-архитектона Андрея Трезина тако: ...Царское Величество соизволил именным своим повелением в Александро-Невский монастырь взять из приписного (Иверского) монастыря алтилерии 11 пушек медных, да колокол, что под большим, на котором по подписи весом 160 пуд, и привести нынешним зимним путем и поставить в Невском монастыре по усмотрению, в удобных местах, дабы то все управлено было во окончание марта в первых числах»³⁸.

Через неделю архимандрит Феодосий получил от Доменико Трезини ответ следующего содержания: «Преосвященный отче, мой милостивый государь. Письмо Вашея святыни, писанное прошедшего месяца генваря, покорно получил, в котором соизволите писать, дабы прислать заобычайного человека с принадлежащими инструментами для взятия из Иверского монастыря 11 пушек медных и колокола, — писал швейцарский архитектор. — Чего для до Вашей святыни посылаю Нестора Васильева, которые тому делу обыкновенен и можно его к тому делу послать... Вашея отеческия святыни униженный раб Д. Трезини. 1719 г., февраля 3»³⁹.

Строительство собора. В 1720 году в Александро-Невском монастыре началось строительство собора⁴⁰. Как и прежде, Трезини ведал заготовкой строительного камня; вот одна из его записей, сделанная 23 сентября 1719 года: «К святой церкви орнамента надлежит вытесать из белого камня по нижеозначенным нумерам, также по мере моделей и чертежа»⁴¹.

В бумагах монастырской канцелярии встречаются имена иностранцев, занятых не только на строительстве собора, но и работавших в подсобном хозяйстве Александро-Невской обители. Одним из них был «иноземец Юрий Гарцын (Герцын)», состоявший в должности садовника. В расходной книге Александро-Невского монастыря под 29 апреля 1719 года читаем: «Дача монастырскому садовнику, иноземцу Юрию Гарцыну на попку в монастырские огороды семян»⁴². Этот иностранец не только выращивал цветы, но и заведовал монастырским огородом, что было весьма важно для прокормления насельников. Поэтому в летнее время года в его распоряжение поступали сезонные работники: «С июня по октябрь по 20 работников дано садовнику Юрию Антонову Герцыну»⁴³, — упоминается в одном из документов, относящихся к 1719 году.

Трудиться в услужении мастеров-иностранцев не считалось зазорным, и русские подмастерья набирались опыта в разных областях хозяйственной деятельности. Так, один из них — работник Ефрем Иванов — в ноябре 1719 года трудился в монастырской кузнице «при французе». Другой русский умелец — «каменщик села Волдая Василий Червяков» — работал под руководством живописца Улова (Олафа). 8 января 1720 года Василию Червякову было выдано жалованье «за устройство двух печей в монастырских цветниках, что близ скоцкого двора, по указанию мастера иноземца Улова»⁴⁴.

³⁷ Описание архива... Т. II. С. 898.

³⁸ Там же. С. 893.

³⁹ Там же. С. 894.

⁴⁰ В 1910 году в музее Александро-Невской лавры была выставлена разборная модель этого собора.

Сохранились фотографии этой модели (Старые годы. 1910. № 12. С. 14–15).

⁴¹ Описание архива... Т. II. С. 839.

⁴² Там же. С. 1158.

⁴³ Там же. С. 1235.

⁴⁴ Там же. С. 1254.

Наряду с иностранцами, работавшими по вольному найму, в Александро-Невском монастыре трудились мастеровые из бывших военнопленных, принявшие православие. Выявить таких иноземцев по архивным данным почти невозможно, так как данное им при крещении новое имя и их правовое положение не отличалось от имен и положения русских людей. Так, на пильной мельнице Александро-Невского монастыря работал пильщик Стефан Михайлов. Если бы не возникло дело о возвращении этого мастерового в Канцелярию полицмейстерских дел, то было бы невозможно узнать, что настоящая фамилия Михайлова — Эколяней⁴⁵, что он швед, взятый в плен в битве под Каяном (финск. Каяни) в 1717 году и изъявивший желание в декабре 1720 года перейти из лютеранства в православие. В монастырь его направили для духовного наставления в православной вере и для крещения⁴⁶.

В 1720 году в Александро-Невском монастыре была совершена закладка собора и началось его возведение. Однако к этому времени Доменико Трезини уже отошел от руководства строительными работами, и после 1720 году его имя в монастырских документах встречается все реже. Зато в записках Якоба Штелина упоминается о другом иностранном специалисте — Теодоре Швертфегере, «который был золотых дел мастер, хорошо рисовал и делал модели»⁴⁷. Архитектор «пруссской земли», Теодор Швертфегер работал в Петербурге с 1713 года: руководил постройкой Александро-Невского монастыря с 1 июля 1720 года по 20 июня 1733 года⁴⁸.

Известный историк-искусствовед И. Э. Грабарь, касаясь вопроса о роли Т. Швертфегера и Д. Трезини в строительстве Александро-Невской обители, пишет: «Трезини, составивший проект этого монастыря, заведовал только его первыми каменными постройками, все же остальное, и самый собор, — уже не первоначальный трезиниевский, а другой, по-новому проекту, — строил Швертфегер. Деятельность его, по-видимому, всецело ограничивалась стройкой монастыря и только изредка его имя мелькает в документах Канцелярии строений по поводу составления разных экстренно понадобившихся проектов или участия в специальных заседаниях»⁴⁹.

Александро-Невский монастырь — великокняжеская усыпальница. В то время как Петр I находился за пределами России, скончалась его любимая сестра — царевна Наталья Алексеевна (18 июля 1716 года). Ее было решено похоронить в Александро-Невской обители, и по этому случаю на северном берегу Черной речки началось строительство первой каменной монастырской церкви. В мае 1717 года Г. И. Рубцов сообщал архимандриту Феодосию: «В монастыре строить начали палатку, где положено будет тело благородных государыни великия княгини Наталии Алексеевны, за алтарем; вскоре совершится»⁵⁰.

Небольшая каменная церковь во имя Св. Лазаря была выстроена к концу того же 1717 года, и в ней было погребено тело царевны Наталии. Французский посланник в Санкт-Петербурге Де Лави сообщал об этом в Париж в своем донесении от 3 декабря 1717 года: «В прошлое воскресенье происходило весьма торжественное погребение покойной княжны Наталии в монастыре, в 7 верстах расстояния от города; мне говорили, что тело ее перевезут в Москву, но это оказалось неверно»⁵¹. (В 1723 году ос-

⁴⁵ Это русская транскрипция, как правило, сильно искажающая действительное звучание.

⁴⁶ Семенова Л. Н. Участие шведских мастеровых в строительстве... С. 279.

⁴⁷ Штелин Якоб. Записки... С. 201.

⁴⁸ Там же. С. 224, прим. 3.

⁴⁹ Грабарь И. Э. Архитекторы иностранцы при Петре Великом // Старые годы. 1911. Июль—сентябрь. С. 137.

⁵⁰ Описание архива... Т. II. 1717—1719 гг. СПб., 1911. С. 169—170.

⁵¹ Сборник Русского Исторического Общества. Т. 34. СПб., 1881. С. 266.

танки царевны Наталии были перенесены в новопостроенную каменную Благовещенскую церковь⁵².)

С первых лет жизни новоустроенного монастыря в его стенах находили упокое и другие члены царской семьи. 6 мая 1719 года последовала неожиданная кончина Петра Петровича, провозглашенного наследником царского престола после казни царевича Алексея (1690—1719). Младший сын Петра I — Петр Петрович родился в 1717 году. Вот что сообщает А. С. Пушкин о первых днях жизни будущего престолонаследника: «Октября 29-го родился царевич Петр Петрович... 7 ноября крещен царевич. За праздничным обедом карлица вышла из пирога и выпила за здоровье царевича. За дамским столом такой же пирог начинен был карлом. Вечером фейерверк, и на щите надпись: „надежда с терпением“»⁵³.

Первоначально Петр рассматривал старшего сына — Алексея — в качестве своего преемника на царском престоле. По этому поводу Пушкин замечает: «Славный указ о наследстве одному из сыновей по воле отцовской — издан был в сем (1714. — *Авт.*) году. Петр долго его обдумывал и изъяснял самым подробным образом»⁵⁴. Однако вскоре царевич Алексей был вовлечен оппозиционными кругами в заговор против Петра. Заговор был раскрыт, Петр распорядился лишить своего старшего сына права на престол в пользу малолетнего Петра Петровича. В «Истории Петра» под 3 февраля 1718 года Пушкин сообщает о том, что «царь велел прочесть манифест, в коем он, объясняя преступления царевича, лишает его престола, и потом все министры, генералы, офицеры и знатные граждане присягнули царевичу Петру Петровичу, яко законному наследнику престола»⁵⁵.

Но Петр не предполагал, что его младшему сыну осталось жить немногим более года. В записках Пушкина читаем: «Смерть царевича Петра Петровича 25-го апреля»⁵⁶. В другом месте «Истории Петра» об этой кончине говорится: «Скончался царевич и наследник Петр Петрович: смерть сия сломила наконец железную душу Петра»⁵⁷. Подробно о смерти и погребении Петра Петровича пишет брауншвейгский посланник Ф.-Х. Вебер, живший в те годы в Петербурге. Эта неожиданная смерть, по его словам, «повергла Двор в великое смущение и глубокую печаль»⁵⁸.

Немецкий дипломат присутствовал на похоронах, которые состоялись через два дня после кончины младшего сына Петра I: «Погребение этого неутешно оплакиваемого наследника царевича совершилось 8 мая, в 3 часа после обеда, с торжественными церемониями, при пушечной пальбе, — писал Ф. Х. Вебер. — Процессия, в которой участвовали певчие и духовенство, певшие попеременно свои погребальные гимны, шла пешком до реки Невы, где тело принято было на погребальную шлюпку... По совершении русского богослужения в Александро-Невском монастыре и предавши в том же монастыре тело земле, Его величество возвратился на той же погребальной шлюпке назад»⁵⁹.

Записки Ф.-Х. Вебера — один из самых ценных источников по истории петровской эпохи. И не случайно друг Пушкина М. А. Корф рекомендовал поэту сочинение не-

⁵² Богданов А. Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга... СПб., 1779. С. 354.

⁵³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. X. С. 217.

⁵⁴ Там же. С. 205.

⁵⁵ Там же. С. 232.

⁵⁶ Там же. С. 453.

⁵⁷ Там же. С. 255.

⁵⁸ Вебер Ф.-Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 6—9. С. 1656.

⁵⁹ Там же. С. 1656—1657.

мецкого дипломата для работы над «Историей Петра». В обширном списке книг он упоминает сочинение Вебера «Verandertes Russland» (Франкфурт, 1721, 1739 и 1740 год, I—III ч.), уточняя при этом, что «1-я часть переведена на французский язык под заглавием: „Memoires sur l'etat present de la grande Russie. Гаага. 1725“⁶⁰. Пушкин еще раньше разыскивал эту книгу и в письме А. С. Норову (10—15 ноября 1833 года) спрашивал: „Нет ли у тебя сочинения Вебера о России («Возрастающая Россия» или что-то подобное?)“⁶¹.

Другую траурную процессию — при отпевании и погребении царицы Прасковьи Феодоровны Салтыковой — довелось наблюдать в Александро-Невском монастыре уже знакомому нам камер-юнкеру Берхгольцу. Прасковья Федоровна (Салтыкова, 1664—1723), жена царя Ивана V Алексеевича, умерла 13 октября и была 22 октября (2 ноября) 1723 года похоронена в Александро-Невском монастыре. Дипломат подробно описывает в своем дневнике как траурную процессию от дома усопшей до самой обители⁶², так и панихиду, причем делает это так педантично и последовательно, как никогда бы не сделал ни один русский, вполне знакомый с православными обрядами. «Они начали петь, кадить и молиться, — пишет Берхгольц, — и когда императрица, с закрытым лицом и в глубоком трауре, вошла в сопровождении обеих принцесс и нескольких дам, архиепископ Новгородский, одетый в свое великолепное архиерейское облачение, подал сперва Ее Величеству, потом каждой из императорских принцесс по зажженной восковой свече, причем благословлял их крестом, а они за то целовали ему руку. Свечи они держали во время панихиды, продолжавшейся с четверть часа»⁶³.

Геннинг Фридрих Бассевич в своих записках также уделил внимание этому печальному событию. «Чувствуя приближение смерти, царица Прасковья велела просить к себе императрицу, которую умоляла быть ее дочерям вместо матери. Это была единственная особа, которой император, чрезвычайно уважавший ее, дозволил сохранить старинное русское одеяние. Она всегда следовала за двором и являлась на всех праздниках. Несмотря на слабоумие своего супруга, она питала к его памяти постоянную нежность и просила покрыть себе лицо его портретом, когда будет в гробу, что и было исполнено. Император на целые шесть часов заперся с кабинет-секретарем Макаровым, чтобы составить церемониал для ее погребения. Погребальная процессия была очень великолепна; но при том не было ни одного пушечного выстрела, ни русского флага и никакого другого знака ее сана, кроме старинной царской короны. Это сделано было для того, как полагали, чтоб показать, насколько некоронованная царица была ниже той, которая готовилась к помазанию, и насколько род Иоанна был отдален от престола»⁶⁴.

«Как и в Вестминстерском аббатстве в Лондоне, здесь, в Невском соборе, только не рядом с властителями страны, а вблизи принцев и принцесс крови, похоронены многие достойные и знатные люди, — отмечал фон Реймерс. — Надгробия некоторым из них сделаны с большим вкусом»⁶⁵. Тот же немецкий автор скрупулезно перечисля-

⁶⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. X. С. 472.

⁶¹ Там же. Т. XV. С. 94.

⁶² Дневник камер-юнкера Берхгольца. 1721—1725 годы. М., 1862. Ч. III.

⁶³ Там же. С. 168. О церемонии погребения см.: Там же. С. 133—134.

⁶⁴ Бассевич Геннинг Фридрих. Записки // Юность державы. М., 2000. С. 415—416. Принцессы этого дома, а также Мария Алексеевна, их тетка, сохраняли старинный титул царевен, то есть дочерей царя; но когда Петр Великий принял титул императора, его принцессы стали называться цесаревнами, то есть дочерьми императора.

⁶⁵ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 96.

ет те захоронения членов императорской фамилии, которые к началу XIX века сохранялись «под сводами старой каменной церкви Невского монастыря»:

царевна Наталия Алексеевна, сестра Петра Великого, умершая в 1716 году;

царевич Петр Петрович, трехлетний сын Петра Великого, умер в 1719 году;

царица Прасковья Федоровна, урожденная Салтыкова, супруга царя Ивана Алексеевича, умерла в 1723 году;

царевна Екатерина Ивановна, герцогиня Мекленбургская, дочь (царя Ивана) и сестра императрицы Анны, умерла в 1733 году;

принцесса и герцогиня-регентша Анна Карловна (Леопольдовна), супруга герцога Антона-Ульриха и племянница императрицы Анны, умерла в 1746 году;

великая княжна Анна Петровна, двухлетняя дочь Петра III и Екатерины II, умерла в 1759 году;

великая княгиня Наталия Алексеевна, первая супруга тогда великого князя, впоследствии императора Павла Петровича, умерла в 1776 году и

дочь его от второго брака, великая княжна Ольга Павловна, пятая сестра нашего нынешнего монарха, умерла в 1795 году⁶⁶.

Перенесение мощей св. князя Александра Невского. В 1723 году, посетив Александро-Невскую обитель, император Петр I приказал: «Обретающиеся во Владимирском Рождствене монастыре мощи святого благоверного великого князя Александра Невского перенести в тот Александро-Невский монастырь»⁶⁷.

В царском указе содержатся подробные предписания о том, как доставить в Петербург святыню: «Для перенесения оных мощей, во-первых, устроить удобный ковчег, который бы раку Святого с мощми свободно вместить мог и имел бы над оною ракою приличный балдахин, и нести оный ковчег и над ним балдахин людьми, с переменою, чего ради во всех городах и селах и деревнях брать как из посадских, так и из ямщиков и из крестьян, чьего бы оные ведения не были, по скольку человек надлежит, и при том перенесении быти окольному Михаилу Васильевичу Собакину, да того Рождественного монастыря архимандриту, да для провожания тех мощей и караулу и посылок велено дать из московского гарнизона обер-офицера с унтер-офицером и с двадцатью человек драгун; и тем, как духовным, так и светским, от Владимира до Санкт-Петербурга дать ямские подводы из Ямского Приказа, а прогонные деньги из Штатс-Конторы»⁶⁸.

В петровском указе предусматривались всевозможные меры предосторожности при перенесении мощей. Для сопровождения выделялась надлежащая охрана — духовная и светская. «Нести оные мощи путем умеренно, со усмотрением мест, дабы в удобных никакого свыше потребности медления, а в неудобных вредительной скорости не употреблялось; при оных мощах как окольному, так и архимандриту, и обер-офицеру, и драгунам всегда быть безотлучно и смотреть, чтоб ни от кого никаких при том сквернословий и непотребных действий отнюдь не происходило и в неприминемых нужных местах оной ковчег с мощами как от мокроты, так и от прочих случайных вредительств был сохранен». Были учтены даже такие вероятные опасности, как пожары, и об этом также говорилось в указе: «Для лучшей, а паче от случайных пожаров безопасности нигде в лежащих при пути городах и селах со оными мощами не останавливаться, а иметь, во время потребности, станы в полевых местах и содержать оные в шатре, который для того дать в Москве из Шатерной Палаты».

⁶⁶ Там же. С. 95.

⁶⁷ Указ № 4241 от 4 июня 1723 года. О перенесении мощей Святого Александра Невского из Владимира в Невский монастырь // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. VII. С. 75.

⁶⁸ Там же.

При перенесении мощей благоверного князя предписывалось оказывать им подобающее поклонение, для чего необходимо было заранее оповещать жителей сел и городов, через которые проходил путь следования: «Когда, к которому городу или селу приближаться оные (мощи) имеют, тогда окольному посылать в города к воеводам и прочим гражданским командирам и в села к светским обывателям, дабы ими при своих местах оные мощи предустреты и через те места препровождены были, со обычайною честью»⁶⁹.

Издав указ 4 июня 1723 года, Петр I распорядился доставить чтимые мощи в Петербург без излишней задержки, и «как все оное к перенесению потребное определено и приготовлено будет, тогда то перенесение без всякого умедления действием производить». Русский император желал скорейшего перенесения мощей и в том же указе наметил дату прибытия бесценной реликвии в Северную столицу: «В пути иметь такое поспешение, чтоб могли с теми святыми мощьми к Санкт-Петербургу прибыть приближающегося августа к 20-му, а по всеконечной мере к 25-му числу неотложно». Предполагалось торжественно внести святые мощи в Александро-Невский монастырь 30 августа, в память заключенного в этот день Ништадтского мира со Швецией.

Для встречи мощей святого князя был разработан особый ритуал. В указе предписывалось заранее известить императора об их прибытии в окрестности столицы: «Как приближаться будут к Санкт-Петербургу, тогда прислать наперед с рапортом нарочного курьера и, остановясь в Вологодской ямской слободе, ожидать повелительного о прибытии определения»⁷⁰. Но при осуществлении этого плана возникали вполне объяснимые задержки, и последовал новый указ, согласно которому повелевалось с шествием не спешить и по прибытии в Шлиссельбург поставить святыню в тамошней Благовещенской церкви, что и было исполнено 1 октября 1723 года. Там мощи находились до августа следующего, 1724 года⁷¹.

Предполагалось торжественно внести святые мощи в Александро-Невский монастырь 30 августа, в память заключенного в этот день Ништадтского мира со Швецией. Был разработан особый ритуал; сохранилось свидетельство одного из очевидцев этого события — это все тот же Берхгольц — член дипломатической миссии, камер-юнкер при герцоге Голштинском Карле-Фридрихе. Будучи в Санкт-Петербурге в 1724 году в свите герцога, он присутствовал при этом знаменательном событии.

Для встречи мощей у Александро-Невского монастыря корабельная флотилия должна была подняться из дельты Невы, где расположен Санкт-Петербург, вверх по течению, следуя крутому изгибу реки. Как отмечал немецкий посланник в своем дневнике под 12 сентября (30 августа ст. ст.), «в воскресенье, в 5 часов утра, три пушечных выстрела подали всем буерам, торншхоутам и другим маленьким судам сигнал для отплытия к Александро-Невскому монастырю, а часов в 10 раздался точно такой же сигнал для всех барок, шлюпок и вереек»⁷².

В составе флотилии, бросившей якоря у Александро-Невского монастыря, было много судов, и на одном из них — старом маленьком боте, родоначальнике русского флота, развевался государственный флаг. «Когда все суда выстроились в ряды, а именно около часа пополудни, показался гроб с мощами святого Александра, — повествует Берхгольц. — Его везли на большой адмиральской галере, на которой спереди помещались три большие пушки. Он стоял под большим балдахином, и за ним следовала императорская яхта, называемая „Принцессой Елизаветой“. Как скоро эта адмиральская галера стала подходить ближе, ей начали салютовать — сперва знамени-

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ См.: Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси. С.-Петербургская епархия. СПб., 1908. С. 9.

⁷² Дневник камер-юнкера Берхгольца. М., 1863. Ч. IV. С. 83.

тый ботик, стоявший на якоре впереди всех, — из маленьких пушек, а потом и вся флотилия. Яхта „Принцесса Елизавета“ отвечала из своих пушек»⁷³.

На этой торжественной церемонии присутствовал Петр I со своими приближенными, члены императорской фамилии, а также почетные гости. Император на галере заранее прибыл к устью Ижоры — месту, где Александр Невский в 1240 году одержал победу над врагами. Благоговейно сняв ковчег с мощами с яхты и поставив его на галеру, Петр I повелел вельможам взяться за весла, а сам управлял рулем. Во время плавания раздавалась непрерывная пушечная пальба «Император, князь Меншиков и многие другие знатные русские господа выехали навстречу мощам, а затем Его Величество и бывшие с ним возвратились на галеру, на которой в честь святого развевался императорский флаг и на которой с веслами сидели все гвардейские гренадеры»⁷⁴ — так описывает эту часть церемонии Берхгольц.

Далее дипломат подробно изображает церемонию перенесения мощей святого Александра Невского с корабля на берег, в монастырь, основанный в честь великого князя: «Когда адмиральская галера причалила к нарочно устроенной пристани и гроб перенесли на берег, со всех судов два раза выпалено было из пушек. После того офицеры с церемонией понесли гроб в монастырь. Гроб этот, серебряный, вызолоченный, несен был под большим бархатным балдахинном, на котором стояло серебряное распятие. Все духовенство, в богатейших облачениях, встретило его у моста. Оно шло потом впереди и позади гроба. Император находился между шедшими впереди певчими, а прочие русские господа шли кто впереди, кто позади. Во время этой процессии звонили во все колокола и не было видно ничего, кроме необъятного множества зрителей, которые крестились и кланялись»⁷⁵.

Сходное описание этой торжественной церемонии содержится в записках другого немецкого автора — Генриха фон Реймера. «Вероятно, для того, чтобы сделать достойной и освятить петербургскую землю, в глазах тогдашнего суеверного народа нечистую, монарх распорядился перенести сюда в Петербург с большой торжественностью мощи своего благочестивого и храброго предка, святого Александра Невского, покоившиеся прежде в селе Городец на Волге, пишет фон Реймер. — Останки святого прибыли сюда в серебряной позолоченной раке 30 августа 1724 г. Из Шлиссельбурга на большой, приводимой в движение гвардейскими гренадерами адмиралтейской галере под императорским флагом они были доставлены сюда и под залпы пушек были перенесены на сушу на место своего будущего упокоения. Офицеры несли гроб под большим бархатным балдахинном, украшенным сверху серебряным распятием. Все духовенство принимало его в полном облачении при всех украшениях, и катафалк был украшен соответственно. Перед гробом и за ним шли священники, а император — среди предшествовавших гробу певчих. Во время процессии звонили во все колокола, и неисчислимое множество зрителей крестилось и кланялось, в приливе благоговения многие даже горько плакали. Императрица с княжнами, как и обе герцогини — Мекленбургская и Курляндская, во всем своем великолепии ожидали гроб во внешнем дворе монастыря у палат архиепископа. Когда его проносили мимо нее, она присоединилась к шествию. И собор, и весь монастырь были тогда доведены стройкой до половины, поэтому святые мощи были с великими почестями помещены в освященную тем же утром часовню нового монастыря. На следующий день состоялся торжественный обед для священства монастыря»⁷⁶.

⁷³ Там же. С. 83.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 83—84.

⁷⁶ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток. 2007. С. 94—95.

Интересные подробности об этом событии содержатся в записках Геннинга Фридриха Бассевича. «В начале 1722 г. император поручил одному искусному московскому золотых дел мастеру изготовить 40 орденских крестов. Он имел в виду учредить орден в честь Св. Александра, который за славную победу, одержанную на берегах Невы над татарами,⁷⁷ был некогда наименован Невским. Этой победой он освободил Московское государство от постыдной дани, которую оно платило этим варварам, и утвердил там христианскую религию. В продолжение шести веков тело его покоилось во Владимире, главном городе провинции того же имени, который принадлежал к числу древних городов, носивших название царских резиденций⁷⁸. После воинственной и славной жизни он окончил дни свои в одном из монастырей, — пишет немецкий автор. — Император основал монастырь на самом месте славного сражения, и так как он был уже почти окончен, то приказал перенести туда мощи святого. Во всех местах, где их провозили в сопровождении тысяч попов, монахов и богомольцев, им отдавались великие почести. Из Петербурга до нового монастыря (который находится от него в одной миле) останки святого плыли по той самой реке, над которой когда-то развевалось знамя, водруженное на его предводительской ладье. Гроб его, серебряный, вызолоченный, поставленный на высокой эстраде и под богатым балдахином, удовлетворял взорам народа, толпившегося по берегам реки. Императорская фамилия и все знатные особы, находившиеся в Петербурге, следовали позади на флотилии богато украшенных барок и шлюпок. Духовенство в великолепных облачениях встретило святого на берегу, и так как церковь не была еще совершенно отстроена, то офицеры, которые несли гроб, поставили его в часовне. Этою почестью, оказанною памяти святого, служившего так достойно Богу и отечеству, император очистил себя от подозрения в намерении уничтожить совершенно поклонение, воздаваемое Греческою Церковью своим патронам на небе, и Невский монастырь сделался удобным местом богомолья для императорской фамилии»⁷⁹.

Святые мощи были внесены в церковь, и в тот же день состоялось ее освящение во имя Святого Александра Невского⁸⁰. Тогда же было решено праздновать торжество перенесения мощей ежегодно 30 августа (12 сентября н. ст.). Вот как рассказывает об этом немецкий посланник: «Освященная только в этот день утром часовня нового монастыря, где должны были оставаться мощи Святого до окончательного устройства главной церкви и всего монастыря (еще вполнину неотделанного), возвышалась на целый этаж от земли; к ней вела поэтому очень большая и широкая терраса, по которой гроб и внесли туда. Тотчас после этого, как поставили его на место, из окна был вывешен флаг, которым подали сигнал к начатию пушечной пальбы в третий раз. Затем духовенство совершило в часовне несколько церемоний, после которых знатнейшее духовное лицо сказало похвальное слово святому Александру Невскому, продолжавшееся почти целый час. По окончании его совершены были еще некоторые церемонии, и тогда Их Величество, равно как и прочие высокие особы и все присутствовавшие, отправились опять на свои суда.... В вечеру город был иллюминирован»⁸¹.

⁷⁷ Не над татарами, а над шведами. Эта ошибка показывает, что Бассевич знаком был с русской историей не более других иностранцев.

⁷⁸ Таких городов было четыре, а именно: Москва, Киев, Владимир и Новгород.

⁷⁹ Бассевич Геннинг Фридрих. Записки // Юность державы. М., 2000. С. 424—425.

⁸⁰ В 1726 году была предпринята перестройка храма, но неудачно: сооружение пришлось разобрать и начать строительство заново. Доменико Трезини не суждено было дожить до завершения постройки, так как собор был закончен лишь к 1753 году. На месте этого храма в 1776—1790 годах был построен нынешний Свято-Троицкий собор.

⁸¹ Там же. С. 84—85.